DOI: 10.17117/na.2016.10.02.294

<http://ucom.ru/doc/na.2016.10.02.294.pdf>

Поступила (Received): 25.10.2016

Кравчук А.В., Оврах Г.П.
Влияние исторического и этнокультурного
факторов на миграционные процессы
современной России: взгляд с Дальнего Востока

Kravchuk A.V., Ovrakh G.P.
Influence of historical and ethnocultural factors on migration
processes in modern Russia: Far Eastern perspective

В статье основное внимание уделяется тому воздействию, которое оказывают исторический и этнокультурный факторы на миграционные процессы в современной России. Данная тема представляется актуальной в свете тех вызовов и угроз, которые несут с собой неуправляемые миграционные потоки, захлестнувшие постсоветское пространство, внося серьезные коррективы в миграционную политику России как на федеральном, так и на региональном уровнях, запуская в действие непредсказуемые миграционные процессы

Ключевые слова: *м государственная миграционная политика, факторы развития миграционной политики, миграционная безопасность, политические процессы*

Кравчук Алексей Владимирович

*Аспирант, зам. начальника отдела
 Управление Министерства внутренних дел по
 Приморскому краю
 г. Владивосток, ул. Октябрьская, 25*

Оврах Григорий Петрович

*Кандидат исторических наук, профессор
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, о. Русский, Кампус ДВФУ*

The article pays main attention to the influence of historical and ethnocultural factors on migration processes in modern Russia. This theme is a burning issue in terms of all the challenges and menaces coming with uncontrolled migration flows over the former Soviet Union; they make serious allowances in the Russian migration policy both on federal and regional levels, getting uncontrolled migration processes rolling

Key words: *state migration policy, factors for development of migration policy, migration security, political developments*

Kravchuk Alexey Vladimirovich

*Graduate, Deputy Head of department
 Ministry of Internal Affairs Department of the
 Primorsky Territory
 Vladivostok, October st., 25*

Ovrah Grigory Petrovich

*Candidate of Historical Sciences, Professor
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok, Russian is., Campus FEFU*

Миграционные процессы в Российской Федерации обусловлены различными факторами: политическими, правовыми, экономическими, социальными, духовными. Все они, как правило, носят перманентный характер, взаимодействуют между собой, образуя достаточно сложные комбинации, значимость которых на каждом этапе развития государства претерпевает ситуативные

изменения. Однако, есть еще два фактора, которые, находясь на периферии внимания исследователей, оказывают самое серьезное влияние на миграционную сферу, а через нее – на всю общественно-политическую и социокультурную жизнь российского государства. Речь идет об историческом и этноконфессиональном факторах.

Современная Россия есть результат многовекового развития российской государственности, позволившего ей накопить богатейший опыт регулирования политических, экономических и социальных процессов. Вместе с тем, на жизнь российского общества в настоящее время накладывают свой тяжелый отпечаток и накопившиеся за многие столетия проблемы, особенно в сфере межгосударственных, межнациональных и межконфессиональных отношений. Здесь уместно сослаться на мнение К. Ясперса, который предостерегал тех, кто ошибочно считает, что история – это канувшие в небытие события прошлого, не имеющие ничего общего с настоящим. В действительности, история и настоящее не имеют границы между собой, благодаря чему все эти общественные феномены в итоге образуют нерасторжимое целое [1].

Вопреки широко распространенному в обществе заблуждению, прошлое способно оказывать самое серьезное влияние на современные события, выступая в роли своеобразного программного кода, сквозь время предопределяющего не только настоящее, но и грядущее. В частности, вся современная геополитика Кавказа есть продолжение событий многовековой давности.

По совершенно справедливому мнению российского политолога К. Гаджиева, кавказский регион буквально разорван на противостоящие друг другу государства и народы, которые для обоснования своих исторических прав на те или иные территории, произвольно трактуют реальные факты прошлого. При этом они используют неприемлемые с научной точки зрения приемы и аргументы, даже не подкрепляя свои аргументы достоверными сведениями и документами. Так, например, Грузия не признает суверенитет Абхазии, считая ее традиционной составной частью грузинского государства, в то время как абхазы аргументируют свое стремление к независимости тем, что еще в IX-X вв. их народ создал Абхазское царство и издавна тяготел к свободе. Азербайджан претендует на территорию Южного Дагестана. А дагестанские лезгины настаивают на возвращении им части азербайджанских земель. Армения считает Карабах частью исторического армянского государства. Азербайджан рассматривает этот регион в качестве аннексированной у него территории.

Самым важным для нас здесь является то, что на этой почве исторических дискуссий и взаимных территориальных притязаний строится официальная идеология государств Кавказа [2]. Примерно тоже самое можно сказать и о независимых прибалтийских государствах, претендующих на отдельные российские территории в соответствии со своим пониманием некоторых исторических событий. Украина считает своей территорией Крым и некоторые южные регионы России (Ростовский край, Краснодарский край). Российская Федерация не имеет официальных территориальных претензий к украинской стороне, но в российской прессе часто обсуждается вопрос о Новороссии, как об исторической области русского государства.

Для стран дальнего зарубежья исторический фактор играет не меньшую политическую значимость. Польша до сих пор не может смириться с потерей своих восточных владений в годы Второй мировой войны (т.н. Восточная Польша). Белоруссия и Украина считают эти территории западными областями своих государств. Так и остался неразрешенным территориальный конфликт между Румынией и Венгрией из-за Северной Трансильвании.

На Дальнем Востоке исторические претензии, восходящие еще к временам династии Цин, до сих пор самым серьезным образом отравляют отношения между Китаем и Японией (острова Сенкаку), а также между Китаем и Вьетнамом (острова Спратли и Парасельские острова). Не менее обострен конфликт между Японией и Россией, связанный с Южно-Курильскими островами.

Почти во всех этих случаях (за исключением проблем с необитаемыми островами) речь идет не столько о территориальных противоречиях, а, скорее, межнациональных, стимулированных миграционными потоками. Известно, что Япония, получив Курильские острова, сделала их частью японского мира, заменив местное коренное население (айнов) на японское. Таким же образом японцы решили проблему айнов и на Южном Сахалине, после поражения России в русско-японской войне (1904-1905 гг.) ставшем японской префектурой Карафуто. С помощью целенаправленных миграций Китай получил права на суверенитет над Внутренней Монголией. Грузины осуществляли миграционное освоение Абхазии, поляки – Галиции и Волыни, а также Западной Белоруссии.

Таким образом, исторический фактор в миграционной политике играет исключительно важную роль, тесно переплетаясь с этническим и конфессиональным. После оккупации Сербии в 1459 г., власти Османской империи организовали вытеснение православных сербов из Косово. Освободившиеся территории они заселяли многочисленными мигрантами – албанскими мусульманами, без значительных проблем интегрировавшимися в социально-политическую структуру турецкого общества. Потеря Сербией края Косово в 1999 г. является результатом миграционных процессов XV-XIX вв. последствия которых не были должным образом нейтрализованы в XX в.

Уже в XXI в. Украина, в силу своей недалековидной миграционной политики, утратила Крым, русское население которого, на референдуме, проведенном 16 марта 2014 г., в массе своей (большинством в 96,77%) проголосовало за выход из состава украинского государства и за присоединение к России. Официальный Киев имел необходимое время для интеграции россиян этого региона в цивилизационное пространство Украины или для насыщения Крыма украинскими мигрантами, но не воспользовался этими возможностями. В итоге он утратил суверенитет над всей территорией Крымского полуострова.

Россия признала референдум, проведенный 16 марта 2014 г. жителями Крыма, ссылаясь на прецедент с односторонним признанием западным т.н. демократическим сообществом одностороннего провозглашения независимости Косово. Однако практически все государства мира сочли данный референдум незаконным, так как он противоречил Конституции Украины. При этом они обходят молчанием тот факт, что организованное при всемерной поддержке стран НАТО и США провозглашение Косово суверенным государством противоречило

Конституции Сербии. В 90-ые гг. XX в. те же самые страны, игнорируя положения Конституции России, поддерживали стремление к независимости ее субъекта – Чеченской республики, где к власти пришли радикальные исламисты.

Для России важность исторического фактора в миграционной политике обуславливается тем, что сейчас актуализируется ряд проблем в сфере миграции, считавшихся давно разрешенными. Российским властям сегодня придется возвращаться к различным аспектам событий далекого прошлого, создающим в настоящее время реальные угрозы национальной безопасности.

Практически все наиболее острые проблемы миграционной сферы Российской Федерации, которые мы вправе рассматривать в историческом измерении, связаны с последствиями принудительных миграций по социальным и национальным признакам, преимущественно проводившихся в период существования СССР. На территории нынешнего Приморского края первая массовая депортация целой национальной диаспоры – китайской, произошла еще весной 1879 г. в соответствии с распоряжением Приморского генерал-губернатора Г.Ф. Эрדмана от 12 апреля за №277. В этом документе местным российским властям предписывалось организовать и осуществить выселение всех китайцев Уссурийского края с незаконно занятых ими земель. При этом предлагалось использовать личный состав 1-го Восточно-Сибирского батальона [3].

Однако, только в советский период отечественной истории массовые депортации граждан по национальным и социальным признакам приобрели регулярный и систематизированный характер. Наиболее ярко это утверждение иллюстрируют примеры из истории российского Дальнего Востока, который в период с 20-ых по 50-ые гг. XX в. затронули следующие миграционные процессы исключительно принудительного характера:

1. Выселения политически неблагонадежных элементов в начале 20-ых гг. [4].
2. «Разгрузка» региона от избыточного населения – особенно от беженцев, прибывших с войсками белогвардейцев, осевших в дальневосточном регионе, но не решившихся эмигрировать, а также от бывших красных партизан (1923 г.) [5].
3. «Кулацкая ссылка» (1930-1941 гг.) [6].
4. «Лагерная колонизация» Дальнего Востока (1933-1940 гг.) [7].
5. Депортация дальневосточных корейцев (1937 г.) [8].
6. Депортация дальневосточных китайцев (1938 г.) [9].
7. Переселение на Дальний Восток советских немцев из западных и центральных областей СССР (1939 г.) [10].
8. Высылка неблагонадежного населения из Приморского края (1939 г.) [11].
9. Вторая «кулацкая ссылка» (1941-1945 гг.) [12].
10. Распределение по Дальнему Востоку специального контингента (влазовцев, бывших полицаев и старост, советских служащих вспомогательных частей Вермахта и Люфтваффе) [13].
11. Расселение этнических депортантов (западных украинцев, литовцев, латвийцев, эстонцев, крымских татар, калмыков, жителей республик Северного Кавказа и т.д.) [14, 15, 16].
12. Переселение на Дальний Восток т.н. «указников» – крестьян, выселенных из колхозов на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. [17].

Для принимающих регионов, а таковыми на Дальнем Востоке являлись Камчатская область, Хабаровский край (включая будущую Магаданскую область), Амурская область, Приморский край и Сахалинская область, прием огромного числа принудительных мигрантов представлял значительные проблемы. И дело здесь было не только в языковом барьере. С принудительными мигрантами в местное этнокультурное пространство очень часто внедрялись деструктивные и весьма опасные элементы. Среди них было немало убежденных противников существующего в стране строя, носителей экстремистских и националистических идеологий, а так же лиц, виновных в совершении тяжких и особо тяжких уголовных преступлений. Эти люди редко скрывали свое неприятие советского общества и открыто выражали свои радикальные взгляды, нередко дополненные историческими обидами и претензиями.

Принудительные миграции привнесли в принимающие регионы российского Дальнего Востока немало самого наихудшего, чем чреваты исторический, этнический и конфессиональный факторы миграционных процессов. Но это нельзя считать просчетом советской миграционной политики, задачей которой являлось перераспределение проблемных мигрантов так, чтобы минимизировать их негативное влияние на общественно-политическую и социально-экономическую сферы СССР. Несмотря на отдельные случаи противоправных действий со стороны принудительных мигрантов, в целом, общая ситуация в местах их пребывания на Дальнем Востоке была стабильной, что следует считать успехом советских властей.

Советские принудительные миграции не предусматривали механизм полноценной интеграции мигрантов в социальную среду принимающих их регионов. Они ограничивались только перемещением депортантов в иные общественные условия и их стандартной идеологической обработкой без какого-либо индивидуального подхода, особенно с учетом национальных и конфессиональных особенностей. Задачей принудительных миграций в СССР являлась минимизация общественного влияния потенциально опасных социальных или национальных групп. И, в целом, она была успешно решена. Принудительные миграции не вызвали чрезвычайных ситуаций на местах.

Начиная еще с эпохи Российской империи, слабым местом отечественной миграционной политики традиционно являлось отсутствие ее четко выраженной взаимосвязи с регулированием национальных и конфессиональных отношений. Тяга российских властей к использованию штампов в деле регулирования миграционных процессов нередко приводила к негативным последствиям. Например, российская колонизационная политика в Сибири и на Дальнем Востоке полностью оправдала практику насыщения новых территориальных владений России православными переселенцами, в большинстве случаев местным (т.н. инородческим) населением встреченных вполне благожелательно. Но в Русской Америке точно такая же модель региональной миграционной политики встретила поддержку только у алеутов. А вот местные племена индейцев-тлинкитов отнеслись к ней крайне недоброжелательно и спровоцировали с русскими колонистами, а также верными им алеутами целую серию кровопролитных конфликтов (т.н. «тлинкитские войны» 1802-1805 гг.).

В рамках евроазиатского пространства России удалось создать чрезвычайно толерантную систему взаимоотношений между различными народами и конфессиями. Она функционировала таким образом, что различные религиозно-культурные общности, действующие в пределах российского цивилизационного поля, дополняли друг друга. Благодаря этому духовная культура каждого народа не нивелировалась, а становилась достоянием других народов. К сожалению, эта система до сих пор не имеет эффективных защитных механизмов от угроз извне, что подтвердили события Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).

Государственный переворот в Украине января 2014 г. создал условия для вступления националистических движений галицийцев и крымских татар в новый конфронтационный цикл с российской цивилизацией с использованием самых эффективных технологий дестабилизирующей коммуникации. Ценностным компонентом их идеологий выступают исторические претензии, национальные обиды и амбиции, построенные таким образом, что даже знакомство с ними должно предполагать идейное программирование.

Внедряясь в внутрироссийские миграционные потоки, эмиссары националистических движений галицийцев (ОУН) и крымских татар ставят своей целью создание в России оппозиционных групп, объединенных особой коллективной памятью и идентичностью, за выражение которой собственно и ведется борьба. Антагонизм таких групп является коммуникативным по своему характеру. Коллективное их действие предполагает распространение на парадоксальном уровне символических кодов, меняющих логику доминирующих кодов через преувеличение собственных и низвержение противоположных. В качестве таких кодов чаще всего выступают исторические факты, так или иначе связанные с уязвленным национальным самосознанием галицийцев и крымских татар, их непомерными претензиями на ментальное лидерство: репрессивная политика советских властей в отношении националистических движений, массовые депортации участников и активных пособников незаконных вооруженных формирований и членов их семей.

Поднятая проблема имеет прямое отношение к миграционной тематике. Известно, что 1 июня 1956 г. в спецпоселках Дальнего Востока еще продолжали находиться 21 202 высленца из Западной Украины, из которых только 590 человек не имели прямого отношения к националистическому движению ОУН и к его боевому крылу – Украинской повстанческой армии (УПА). В 1952 г. здесь же находились 274 высленца из Крыма (крымские татары) и 254 – из Северного Кавказа (чеченцы, балкарцы, карачаевцы, ингуши). К этому необходимо добавить тысячи депортированных на Дальний Восток жителей советских республик Прибалтики и Молдавии. В частности, в 1949 г. на территории Амурской области были размещены 5 421 принудительных мигрантов только из Латвии [18].

Спецпоселенцы из Западной Украины и Прибалтики даже на Дальнем Востоке продолжали свою антигосударственную деятельность. Она носила подпольный характер, благодаря чему не приводила к ухудшению общественно-политической и социально-экономической ситуации на местах. Тем не менее, эта

деятельность имела свои внешние проявления. Например, дети из семей депортированных открыто игнорировали членство в ВЛКСМ.

В настоящее время в Украине резко возрастает интерес к территориям России, где еще проживают бывшие члены украинского националистического подполья и члены их семей, насильственно депортированные в послевоенное время. Множащиеся научные и публицистические публикации о судьбах украинцев на Дальнем Востоке все в большей степени обостряют внимание широких слоев украинской общественности к тем их соотечественникам, которые находятся в этом стратегически важном для России регионе. Создается впечатление, что таким образом происходит подготовка создания идеальной «пятой колонны» в нынешней конфронтации между Киевом и Москвой, способной, как минимум, посеять среди россиян семена взаимного недоверия. И значительную роль в этом будут играть новые мигранты из Украины, под прикрытием которых на Дальний Восток уже проникают участники самых разнообразных украинских националистических организаций.

Уроки Великой Отечественной войны показывают, что в таком полиэтническом государстве как Россия достаточно часто находятся организованные национальные группы, склонные к этническому фаворитизму, особенно если при этом они чувствуют поддержку извне. Поэтому следует согласиться с мнением финского политолога Тату Ванханена, считающим, что, чем глубже социум разделен в этническом отношении, тем больше потенциальных конфликтов интересов в нем канализируется по этническим линиям [19]. Многонациональный и многоконфессиональный характер российской государственности – это ее исторический выбор, чреватый вызовами и угрозами, к которым она всегда была готова настолько, чтобы не отвлекаться на них, в особенности в том случае, когда речь идет уже о судьбе России.

Совершенно очевидно, что какие бы опасности ни несли бы с собой исторический, этнокультурный факторы внешних миграционных процессов, все же следует признать, что на современном этапе развития, в ближайшей и отдаленной перспективе, без мощных внешних миграций Российскую Федерацию ждет жесточайший демографический кризис и, как следствие, значительные территориальные потери.

Анализ Концепции развития государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. позволяет нам сделать заключение, что самое значительное влияние на данное направление государственной политики, да и на все политические процессы в российском обществе, так или иначе будут оказывать демографический и миграционный факторы.

Список используемых источников:

1. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М. 1991. С. 272-275.
2. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М. 2001. С. 10-11.
3. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 2-2 об.
4. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 234. Л. 57 об.
5. ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 15. Л. 111.
6. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2004. С. 533, 771-772.

7. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 134-166.
8. 1937 год. Российские корейцы. Приморье – Центральная Азия – Сталинград. Депортация // 60 лет депортации корейцев России с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. М., 2004. 288 с.
9. Сталинские депортации. 1928-1953. М., 2005 – С. 102-103.
10. Шиндялов Н.А. Немецкая диаспора на Амуре // Российская цивилизация и мир: проблемы взаимоотношений. Хабаровск, 2001. С. 7.
11. Чернолуцкая Е.Н. «Очистка» Приморья от «неблагонадежного» населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. Владивосток, 1999. С. 95-112.
12. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования, 1992. №2. С. 24.
13. Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах и документах. Ч. 2 (1941-1945). Магадан, 2002. С. 215, 219, 229-230, 263.
14. Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935-1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ. М., 1999.
15. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998.
16. Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950-х годах // Отечественные архивы, 1993. №1. С. 4-6.
17. Неизвестная инициатива Хрущева (О подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы, 1993. №2. С. 31-38.
18. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг. С. 402-412.
19. Ванханен Т. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме. М., 2014. С. 51.

© 2016, Кравчук А.В., Оврах Г.П.

Влияние исторического и этнокультурного факторов на миграционные процессы современной России: взгляд с Дальнего Востока

© 2016, Kravchuk A.V., Ovrakh G.P.

Influence of historical and ethnocultural factors on migration processes in modern Russia: Far Eastern perspective